

УДК 39 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-3-69-92

НАДМОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНЫЕ ЗНАКИ У НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА¹

М.А. ТЕКУЕВА
Е.А. НАЛЬЧИКОВА

*Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com, elenalchik@yandex.ru*

Аннотация. В статье систематизируются типы погребений и надгробных сооружений у адыгов с древнейших времен до XX века. Исследование основано на данных археологии и этнографических материалах авторов. Основная цель статьи состоит в обзоре наиболее значимых способов захоронения и оформления места погребения. В результате проведенного анализа установлено, что погребальный обряд у ряда народов Северного Кавказа изменялся на протяжении столетий, при этом его прежние формы сохранялись в народной памяти. Виды памятных знаков на могиле – надгробных сооружений – сохраняют относительно стабильный характер в течение последних трех столетий. Изучение кладбищ в Шапсугии, Адыгее, Кабарде и двух черкесских селениях Израиля позволяют сделать выводы, с одной стороны, о единой основе погребальной культуры адыгов, с другой – о наличии локальных особенностей во внешнем оформлении надгробия у западных и восточных адыгов. Важными представляются также выводы о традиции гендерной символики и о приоритете этнических элементов над религиозными в орнаментальном украшении памятника, что выражается в постоянном характере первых и преходящем – вторых.

Ключевые слова: топос смерти; способы захоронения; оформление места погребения; адыги; памятные знаки; антропоморфные надгробия; гендерная атрибутика; курган; кенотаф; мавзолей; этническое сознание.

GRAVE MEMORIALS OF THE PEOPLES OF THE NORTH-WESTERN AND CENTRAL CAUCASUS

M.A. TEKUEVA
E.A. NALCHIKOVA

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com, elenalchik@yandex.ru*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»

Abstract. The types of burial and grave constructions among the Circassians from the earliest time till 20th century are systematized in this entry. This study is based on the data of archeology and the authors' ethnographic materials. The main objective of the entry consists in review of major types of burial and arrangement of gravestones. In consequence of analysis, it was found, that obsequies among the peoples of the North Caucasus have been changed over the centuries, herewith the earlier forms remains in the peoples memory. Types of memorial signs on the grave – gravestones – have remained relatively stable over the past three centuries. The study of cemeteries in Shapsugia, Adygea, Kabarda and two Circassian villages of Israel make it possible to draw conclusions, on the one hand, on a single basis of the burial culture of the Circassians, on the other hand, about the presence of local characteristics in the external design of the gravestone from the western and eastern Circassians. It's important that the conclusions about the tradition of gender symbolism and the priority of ethnic elements over religious elements in the ornamental decoration of the monument. It is expressed in the constant nature of the Ethnic elements and the transitory character of religious elements.

Key words: topos of death; ways to burial; arrangement of burial place; circassians; memorial signs; anthropomorphical gravestones; gender symbols; mound; cenotaph; mausoleum; ethnic awareness.

В традиционной культуре народов Северного Кавказа погребальная обрядность занимает значительное место. Ее изучение позволяет определить узловые аспекты этнического сознания, проследить этногенетические механизмы, раскрыть традиционные родственные и соседские социальные связи. Общеизвестны древние погребальные сооружения Западного Кавказа в виде монолитных дольменов с четырехтысячелетней историей, античные и средневековые курганные насыпи кавказских предгорий, склеповые мемориальные комплексы горных областей более позднего периода. Специалисты знакомы и с широко распространенным до сегодняшнего дня погребальным обрядом, характерным почти для всего региона, со значительно более аскетичными надгробиями в виде антропоморфных каменных и деревянных изваяний. Широкий диапазон форм погребений и надмогильных памятных знаков ставит вопросы об их аутентичности и отражении в этноментальной памяти.

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка краткого обзора известных данных и авторского этнографического материала по оформлению захоронения в культуре ряда кавказских народов. Особое внимание уделяется адыгскому этническому массиву, населяющему значительную территорию региона и связанному единством происхождения, языка и культуры: кабардинцам, бесленеевцам, шапсугам, абадзехам и другим адыгам. В ходе изучения предмета привлекается археологический материал, этнографические данные и результаты полевых наблюдений авторов, сделанные в 2015-2018 гг. в Урванском и Лескенском районах Кабардино-Балкарии, в Адыгее, в Лазаревском районе Краснодарского края – месте компактного проживания шапсугов и в двух черкесских деревнях Израиля (Рихания и Кфар-Кама). Приводимые археологические данные носят вспомогательный характер и служат для уточнения некоторых этнографических источников и заимствованы из отчетов полевых археологических исследований разных лет.

Статья структурирована по содержанию фольклорного произведения, которое рассматривается нами в качестве этнографического источника. В народной песне об Адииф/Адиух упоминаются наиболее характерные исторические виды погребений и погребальных сооружений на Центральном и Северо-Западном Кавказе. В этом произведении концентрированно сформулированы привычные установки в отношении традиционного захоронения у адыгов. Песня сохранилась в различных локальных вариантах: шапсугском – Песня об Адииф [Народные песни... 1990: 27-28], кабардинском – *Гыбзэ* об Адиух [Народные песни... 1990: 438] и др. Главный герой оплакивает трагическую гибель своей возлюбленной и перебирает возможные способы достойного ее захоронения:

На верхушку дерева я тебя возложил бы, моя Адиух, –
Боюсь, птицы, тебя склюют, моя Адиух!

У подножья этого дерева я тебя положил бы, моя Адиух, –
Боюсь, муравьи, тебя съедят, моя Адиух.

У себя за пазухой я тебя схоронил бы, моя Адиух,
Боюсь, не вынесу запаха тлена, моя Адиух!

В медный гроб я тебя положил бы, моя Адиух,

Но нет у меня медного гроба, моя Адиух! (перевод с кабардинского авторов)

В другом варианте песни содержится продолжение:

Над гробом памятник ставлю, о моя Адиух,

Письмена пишу золотые, о моя Адиух! [Кабардинский... 1936: 451-452]

Эти тексты позволяют выделить зафиксированные в этническом сознании виды захоронений, которые подтверждаются и другими историческими источниками: воздушный – на ветвях дерева, наземный – под деревом, в гробу – под землей. Есть указание на то, что могила должна быть помечена памятником «с письменами». Итак, воспользуемся песней-плачем о Адиух для логического построения нашего обзора.

Виды захоронений. Первым назван «надземный» (воздушный, открытый, высотный) вид погребения. Еще в античных источниках содержатся упоминания о бытовании у древних народов Кавказа «странного», «необычного» обращения с трупами: «Их (покойников – авт.) заворачивают в необработанные бычьи шкуры и вешают на деревьях вдали от города. Однако и земля получает свое наравне с воздухом, ибо умерших женщин, которые нежнее мужчин, предают земле» [Дюмезиль 1990: 211].

Самым ранним письменным свидетельством об осуществлении захоронения подобным способом у адыгов являются записки немецкого путешественника начала XV века И. Шильтбергера: «У них (черкесов – авт.) есть обычай класть убитых молнией в гроб, который потом вешают на высокое дерево» [Шильтбергер 1974: 39-40]. Очевидно, указанный способ захоронения выделял людей, погибших от удара молнии и, соответственно, отмеченных особой «милостью» *Шиблэ* – бога грома и молнии адыгского языческого пантеона. Мы не можем относиться к этому экзотическому факту как к забытой

архаике, так как через 250 лет о том же писал итальянец А. Ламберти: «С северной стороны, ближе всех (к мингрельцам), живут те кавказцы, которых Турки называют абазами (Abassas) или абкассами (Abcasses). Между прочими обычаями этого народа замечательно то, что они непогребают, ни жгут тела покойника, а кладут труп в выдолбленный ствол дерева (dansuntroncd'arbrequ'ilsontereuse), который служит гробом. Последний с молитвой привязывают виноградной лозой к высочайшей ветви какого-нибудь большего дерева. Они привешивают также оружие и одежду усопшего...» [Ламберти 1877: 212].

В следующем – XVIII столетии сходную процедуру захоронения в своих путевых заметках описал француз Ферран: «Они (черкесы – авт.) оказывают большое почтение к телам умерших отцов и других родственников, которых ставят в деревянных гробах на высокие деревья» [Ферран 1974: 112].

Общекавказские истоки подобной ритуальной практики отмечены в «Истории Грузии» Д. Багратиони: «В древние времена грузины не зарывали в землю тела умерших, а выставляли оные на деревьях, что самое донныне видят у абхазцев» [Багратиони 1971]. Аналогии можно найти в культурах народов Сибири и Дальнего Востока. Например, в героическом эпосе тюрков Саянского нагорья на вершинах гор воздушным способом хоронили умерших богатырей [Монгуш 2005: 148], а негидальцы традиционно подвешивали на деревьях гроб с умершим ребенком [Березницкий 2005: 100].

Вернемся к песне-плачу об Адиюх, и второму, упомянутому в ней, способу захоронения – наземному (на поверхности земли). Этот «способ обращения с умершим» обычно называют «оставлением». Единичное описание его принадлежит академику И.-А. Гюльденштедту, который «нашел в одном из сводов шесть покойников... Эта традиция, называемая баргунка-кеханах или погребение неразложившихся тел, не сохранилась со времени сооружения этой гробницы... способ погребения отличается от обычного» [Клапрот 1974: 278]. Очевидно, что наземные гробницы могут быть исторически связаны с дольменами III тыс. до н.э., имеющими отношение к прото-абхазо-адыгской этнической культуре Причерноморья и низовьев Кубани. В дольменах содержались, как правило, вторичные погребения, кости хоронились после истления плоти, т.е. можно говорить об «оставлении» покойников.

Следуя логике песни, структурировавшей наш обзор, переходим к самому распространенному виду захоронения – подземному. Закапывание умершего в землю сопровождалось укладыванием тела в каменный ящик (кобанская культура VII-III вв. до н.э.), деревянную колоду/гроб (средние века) или заворачиванием в саван (или его разновидность – бычью шкуру). Видимо, такой способ погребения воспринимался как обеспечивающий наибольшую сохранность покойного. В заключительных строках кабардинской версии плача указывается самый предпочтительный вариант:

В медный гроб я тебя положил бы, моя Адиюх,

Но медного гроба у меня нет, моя Адиюх! [Народные песни... 1990: 439]

В другой версии песни говорится:

«Положу тебя в *железный* гроб, о, моя Адиух» [Кабардинский... 1936: 451].

Практически полная аналогия этому видна в аварской песне «Два друга»:

Не копайте могилы для друга моего,

Ибо я положу его в *серебряный* гроб [Далгат 1892: 68].

Разницу в подборе металла для гроба не стоит рассматривать как противоречия, они объясняются, скорее всего, попыткой авторов песен акцентировать свое отношение к покойному выбором наиболее дорогого и прочного материала. Археологические материалы Белореченских курганов Адыгеи, связываемые с адыгским этническим массивом, превращают фольклорный текст в достоверный источник. Там встречаются металлические гробы, склепанные из кусков листовой меди (всего их обнаружено три) [Левашева 1953: 166].

Результаты археологических изысканий в Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии позволяют сделать вывод, что в средневековых адыгских захоронениях чаще «скелет лежал в выдолбленной колоде» [Нагоев 1987: 172] или гробу. Захоронения адыгов в деревянных колодах фиксируется и письменными источниками, начиная с XV в. В частности, Дж. Интериано на рубеже XV-XVI в. подробно описал способ изготовления зихами (черкесами) *бэн* (адыг.) – гробов: «...берут очень большое дерево и от самой толстой его части отрубают в длину, сколько следует, затем раскалывают надвое, очищают и вынимают из середины столько, чтобы поместилось тело вместе с частью принесенных даров» [Интериано 1974: 278]. Традиция погребения в гробах у некоторых адыгских субэтносов еще сохранялась вплоть до XIX в. В частности, Г.-Ю. Клапрот отмечал, что «мертвых кладут в гроб, сделанный из досок, таким образом, чтобы тело было обращено головой к Мекке» [Клапрот 1974: 264]. Литературные источники по черкесам коррелируются с дагестанским фольклорными текстами: «Положите меня в любимый красный сундук» [Антология... 1958: 311], который выбирается героиней песни, как красивый, крепкий, ценный аналог деревянного гроба.

Захоронения в саване представляет собой оборачивание тела в белое полотно, которое «после песнопений в честь умершего и своего рода надгробного слова...» [Монпере 1974: 451] «опускают без гроба в могилу; иногда устраивается нечто вроде свода из ветвей деревьев, который затем засыпают землей» [Бларамберг 1974: 389]. Подобный способ с укреплением позиций ислама вытеснил остальные и на сегодняшний день является доминирующим на Северном Кавказе. За два столетия он настолько укоренился в народном сознании, что вызывает полное отторжение всех остальных способов, фиксируемых фольклорными источниками, письменными свидетельствами и археологическими материалами.

Обозначенные виды захоронений, таким образом, были довольно распространенным явлением среди адыгских субэтносов с древнейших времен до XVII-начала XVIII вв. Но, видимо, воздушные и наземные склеповые захоронения применялись не к каждому умершему, а к исключительным людям (убитым молнией или принадлежавшим к местной элите). В отличие от них

деревянная колода в качестве гроба при подземном захоронении являлась повсеместным атрибутом погребения вплоть до конца XVIII в.

Надгробные сооружения. Песня об Адиюх, взятая для обозначения канвы нашего обзора, завершается обещанием поставить на могиле памятник и надписать на нем «письмена золотые». Вопрос о надгробных сооружениях и памятных знаках на могиле можно рассматривать начиная с *дольменов* середины III тыс. до н.э. и связываемых с абхазо-адыгским этническим массивом. Дольмены подробно описаны многими путешественниками и исследователями, в т.ч. Дж. Лонгвордтом [Лонгвордт 1974: 542], Дж. Беллом [Белл 1974: 459], К. Кохом [Кох 1974: 623], Т. де Мариньи [Мариньи 1974: 318]. Встречаясь в Прикубанье в качестве пережиточных форм и в более позднее время, дольменообразные погребальные сооружения доказывают устойчивость глубокой древней традиции в местной культуре всего Северо-Западного Кавказа.

Студенческая этнографическая экспедиция Кабардино-Балкарского государственного университета в 2016 году зафиксировала большое количество дольменов различной степени сохранности в шапсугских селах Лазаревского района Краснодарского края. Некоторые из дольменов находятся прямо во дворах жилых усадеб, другие – в глубине лесных массивов неподалеку от аулов, третьи – стали популярными туристическими достопримечательностями. Сельские и лесные дольмены не подвергаются никакой реставрации, но и не уничтожаются. Местные жители относятся к ним как к захоронениям предков: с уважением, но без излишней аффектации, не превращая их в культовые объекты.

Фото 1. Лесной дольмен недалеко от с. Шхафит Лазаревского района Краснодарского края. Шапсугия. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Фото 2. Дольмен в пределах жилой усадьбы. Шапсугия. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Другим памятным знаком на могиле является курган – специально построенное сооружение над могилой. Курганы бывают различной высоты. Например, встречаются позднесредневековые кабардинские курганы, современная высота которых находится в пределах одного метра. Отличительной их особенностью является каменный кромлех в основании, или каменная выкладка на вершине («кхъэсей» – надмогильный холм герою, поярусно обложенный камнями [Шортанов 1992: 21-22]). Аналогичные археологические

памятники Черкесии, датируемые XIV-XVI вв. также представляют собой многочисленные могильники, состоящие из нескольких десятков небольших круглых или овальных в плане курганов (диаметром до 10 метров, высотой не более 1 – 1,2 м) [Алексеева 1960: 36]. Таким образом, в кургане заключена идея «каменной возвышенности» (горы), которая и после вытеснения языческих курганных захоронений мусульманскими могилами будет экстраполирована в традицию, засвидетельствованную К. Кохом в XIX в., приносить «большое количество земли, чтобы сделать могильный холм как можно выше» [Кох 1974: 623], а сверху него установить поминальный камень.

Вообще, в традиционном адыгском восприятии любой «бугор означает место погребения» [Лукка 1974: 72], своеобразный «след» захоронения. И «чем важнее был умерший, тем выше и больше насыпается этот холм...» [Интерьяно 1974: 52]. Данное наблюдение Дж. Интерьяно подтверждал позже (в начале XVII века) Дж. да Лука [Лукка 1974: 72] и еще позже – в XIX веке – К. Кох [Кох 1974: 623]. Хан-Гирей пишет о месте захоронения своих родителей буквально следующее: «... равнина, среди которой находится курган, на котором возвышается гробница (из белого камня) Султана Мгамет-Гирея и его жены, отца и матери сочинителя этих записок. На большой дороге, мимо кургана проложенной, стоит и каменный памятник покоящихся в сей гробнице» [Хан-Гирей 1992: 77-78]. Таким образом, налицо совмещение в адыгском мусульманском захоронении сразу всех возможных памятных знаков: курган, гробница, надгробие.

Древность традиции сооружения кургана на месте захоронения выдающихся воинов (позднее представителей знати) подтверждается археологическими материалами и данными фольклорных источников. Достаточно вспомнить курганные погребения Майкопской археологической культуры, а также традиционные погребальные сооружения северокавказской культуры – курганы [Крупнов 1957: 76]. На территории современной Кабардино-Балкарии на конечном этапе кобанской археологической культуры в предгорьях и на равнине опять же преобладают погребения в курганах. В дальнейшем огромные курганы и монументальные каменные склепы отличают захоронения синдских правителей (курганы Большая и Малая близницы, курганы на Васюринской горе, Семибратние курганы...) [Крупнов 1957: 163].

Нартский эпос также фиксирует единственный способ обозначения места захоронения членов нартского общества – курганный [Гугова и др. 2017]. Одно из последних упоминаний о соблюдении обычая подкурганных погребений знати в Кабарде встречается в русской исторической хронике. В 1746 г. верховный князь Кабарды Асланбек Кайтукин, будучи в поле, упал с лошади и умер. Его похоронили на месте гибели и насыпали большой курган [Марзей 2004: 100].

Наиболее крупные курганы Северо-Западного и Центрального Кавказа часто носили имя собственное, и с ними связывались пояснительные предания. Правда, ни одного женского имени кургана не зафиксировано, но это не означает отсутствия женских подкурганных захоронений. Так, в средневековом кабардинском могильнике у сел. Лечинкай преобладающее число курганов содержат, судя по могильному инвентарю, женские захоронения. По крайней мере, 6 из 11 – женские, 2 – мужские, остальные не определены [Нагоев 1987: 186]. При этом могильный инвентарь женских захоронений более богатый: украшения, пряжки, бляшки, пуговицы, серьги и т.д. [Нагоев 1987: 191] Часто встречаются ножницы – эквивалент мужского холодного оружия.

Можно предположить, что изначально не дифференцированные по гендерному или возрастному признакам, курганы со временем превратились в чисто мужские элитные захоронения. Описывая одну из малокабардинских гробниц, Г.-Ю. Клапрот подметил, что «... вокруг нее имеется еще около 100 небольших холмов земли, т.н. бугры, которые, вероятно, были могилами слуг князей, лежащих в гробнице» [Клапрот 1974: 279-280]. Большое число невысоких насыпей рядом с более значительной по размерам можно рассматривать как саттелиты, или «курганы-спутники», которые, как правило, содержат в себе многочисленные небогатые захоронения.

Курганы могли выступать своего рода кенотафами – памятниками над символической могилой, не содержащей останков. Таковым является, например, один из средневековых кабардинских курганов из могильника у сел. Чегем II в 3-х км от левого берега реки Чегем, датируемый ориентировочно XIV – XV вв. В гробу, посередине, вместо костяка лежали 2 железных стержня, рядом с гробом – сабля, колчан и стрелы. Эта курганная насыпь выделяется в сравнении со средними для данного могильника размерами: высота 2,5 м (против 0,6-0,7 м), диаметр 30 м (против 6-8 м). Инвентарь значительно богаче

в сравнении с соседними курганами: сабля, 2 железных стержня, остатки кожаного колчана со сложными аппликационными узорами, 87 наконечников стрел (максимальное из найденных в аналогичных курганах) [Нагоев 1987: 173]. Самый крупный курган (высотой 6,4 м, диаметром 50м) другого могильника у сел. Чегем II (в 2-х км к северо-востоку от селения), функционировавший в более поздний период – верхняя граница XVII век – так же не содержит никаких следов погребения [Нагоев 1987: 172], что говорит о его вероятном мемориальном характере. Этот последний «ложный» курган от описанного ранее отличает и отсутствие погребального инвентаря, что может говорить об интересном процессе – более древние кенотафы в действительности могли быть «захоронением» вещей для отправки к покойным сородичам [Жамбалтанова 2005: 120], но со временем превратились просто в памятный знак.

Еще одним способом внешнего оформления могилы можно считать *мавзолей* (гробницу, склеп), часто сооружаемый на возвышенном месте или кургане. «Для могил знатных людей выбирают возвышенные места или насыпают курганы, на коих строят надгробные памятники из дикого камня продолговатыми и совершенными 4-х, 5-и, 6-ти, 7-и, 8-угольниками» [Бронеvский 1823: 87]. Подобные усыпальницы из тесаного камня до сих пор часто встречаются в горной Балкарии, Северной Осетии и Ингушетии. Так, ингушский этнограф, просветитель Чах Ахриев в конце XIX в. упоминал их как могилы влиятельных ингушей в доисламский период. Он описывал мавзолеикаши как «памятники для умерших лиц, отличающиеся вообще прочностью и красотой отделки, встречаются и у других горских племен, например у адиге, у которых они носят название «кешане» [Ахриев 1870: 28].

Много мавзолеев кабардинских князей наблюдал на западной стороне Баксана И.-А. Гюльденштедт [Гюльденштедт 1974: 204], а также Г.-Ю.Клапрот [Клапрот 1974: 279-280]. По мнению исследователя И.М. Мизиева, склеповые сооружения Кабарды содержат уже мусульманские захоронения XVIII – начала XIX вв. (у сс. Заюково, Гунделен, Лечинкай, Чегем II, Баксаненок и в Малой Кабарде) [Мизиев 1970: 54]. Эпиграфические надписи на мавзолеях свидетельствуют, что подобные памятные знаки имели ярко выраженный сословный характер: кабардинские мавзолеи приходят на смену курганным захоронениям, некоторое время сосуществуя с ними. Для их сооружения принципиальное значение имел и половозрастной фактор покойного, что подтверждается незначительным количеством женских мавзолеев и отсутствием детских. Интересно, что и подкурганных детских захоронений из числа средневековых кабардинских могильников, исследованных на новостройках Кабардино-Балкарии в 70-ые годы прошлого века, сохранилось незначительное количество (5 из 219) и все они отличаются или скудным инвентарем, или его отсутствием.

Могилу можно было обозначить также с помощью *надгробия* (балкар-карачаевское название – *сын таи*, чеченское – *чурт*, общеадыгское – *мывэ сын*). Наиболее распространенным материалом надгробий был камень, которому отдавалось предпочтение в силу его долговечности. Однако,

достаточно часто в адыгской практике использовалось и дерево. Самый простой способ оформления могилы – *камень в изголовье*. Естественно, что не все могли позволить себе гробницу и богато орнаментированное надгробие, поэтому могила бедняка была нередко обозначена необработанным камнем, валуном, иногда несколькими. Г.-Ю. Клапрот видел кабардинские «могилы, покрытые грудой камней или плохими каменными сооружениями» [Клапрот 1974: 280].

Подобное указание на захоронение было обязательным не только как символ памяти, но и как запретительный знак (табу) на нарушение его целостности. Камень, не применявшийся широко для жилых и хозяйственных построек, использовался для обозначения могил или для обрамления кургана.

Адам Олеарий, побывавший в Кабарде в 30-х годах XVII в., поражался тому, что «их гробницы и дома, устроенные для покойников, гораздо великолепнее и ценнее, чем жилища живых» [Олеарий 1974: 85], надмогильные сооружения, по мнению Э. Кемпфера «гораздо роскошнее, чем их жилые дома» [Кемпфер 1974: 117]. Это наблюдение подтверждает тот факт, что поражавший практически всех исследователей традиционной адыгской культуры аскетизм, который ярко проявлялся как в материальной, так и в поведенческой сфере, не распространялся на мертвых.

Повседневным материалом для изготовления основных элементов жилища и бытовых предметов: домашней утвари, лаконичной мебели обычно было дерево. Оно же часто встречается в надгробных памятниках простого населения Черкесии. Из-за своей недолговечности деревянные надгробия не сохраняются более 50 лет, хотя вблизи современных могил мы находили поваленные или просевшие деревянные памятники, примерный возраст которых определяется в пределах 70-80 лет.

Фото 3. Старые деревянные надгробия с. Хатуей Лескенского района КБР. Фото авторов, апрель 2018 г.

Попытка удлинить память о предках прослеживается в значительном количестве кабардинских, черкесских и адыгейских памятников, изготовленных в камне, а также оформлении разных типов погребений камнем: курганным кромлехом, каменной гробницей (мавзолеем), декорированным каменным надгробием.

При проведении комплексного археолого-этнографического исследования погребального обряда следует обратить внимание на характерные особенности кладбищ. Во-первых, если около населенного пункта имеется возвышенность – то кладбище устраивается на ней. Во-вторых, равнинные кладбища часто формируются вокруг античного или средневекового кургана, если таковой имеется. Так, например, три из четырех кладбищ с. Урух группируются вокруг курганов.

Фото 4. Курган в центре одного из кладбищ с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель 2018 г.

Некоторые восточно-кабардинские кладбища содержат в себе реплики родовых склепов в виде ограждений для семейных некрополей, напоминающих стены мавзолея без крыши. Больше всего их в селах, пограничных с Осетией.

Фото № 5. Ограждение семейных захоронений в виде мавзолея в с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель 2018 г.

В-третьих, кладбища кажутся наполовину пустыми, при более пристальном обзоре угадываются следы могильных холмиков, вблизи которых находятся полуистлевшие, растрескавшиеся деревянные надгробия небольшого размера и разрозненные остатки каменных монументов.

В-четвертых, прослеживается традиция двойного надгробия: установление в момент захоронения деревянного надгробия, которое со временем дополняется и сосуществует с каменным аналогом – более прочным и капитальным.

Фото 6. «Двойное надгробие»: временное деревянное и капитальное каменное на кладбище с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель 2018 г.

На подавляющем большинстве обследованных адыгских кладбищ обращают на себя внимание ряды кенотафов, установленных в память о жертвах репрессий 1930-х гг. и погибших на фронте в годы Великой

Отечественной войны. Формы сельских кенотафов повторяют традиционные надгробия и зачастую лишены индивидуальности, сделаны по шаблону, стоят в одном-двух рядах, тесно друг к другу.

Фото 7. Кенотафы погибшим в годы ВОВ на вольноаульском кладбище г. Нальчика. Фото авторов. Апрель, 2018г.

Фото 8. Кенотаф у с. Куркужин Баксанского района КБР. Этнографическая экспедиция КБГУ. Июнь, 2017 г.

В селении Куркужин Баксанского района КБР вдоль дороги стоят редкие одиночные кенотафы. Судя по свидетельствам местных жителей¹, памятники изготовлены задолго до установления советской власти. Об этом говорит и состояние камня, его геометрическая орнаментика, украшение в виде газырей, эпиграфическая надпись на арабском языке.

¹ Информатор – Хежева Раиса Кужбиевна, 1934 г.р., с. Куркужин

За кенотафами продолжают ухаживать, как это показано на *Фото 9*, оградив его от дороги и соорудив над ним навес.

Фото 9. Огороженный кенотаф в форме кинжала у с. Куркужин Баксанского района КБР. Этнографическая экспедиция КБГУ. Июнь, 2017 г.

Одновременные надгробные монументы узнаваемы по почерку мастера. Как видно, в селе был только один специалист по изготовлению памятников. Разнообразие обеспечивалось обращением к мастерам из соседних аулов: отличный по оформлению памятник имеет частые аналоги на кладбищах окрестных сел.

Даже в относительно едином в культурном отношении адыгском мире, существуют региональные отличия в оформлении надгробных памятников. Среди них явно выделяются два типа надгробных сооружений: первый, актуальный до сих пор в Кабарде и Черкесии. Второй тип мы наблюдаем на шапсугских кладбищах в Северном

Причерноморье и у шапсугов и абадзехов Израиля. Для восточно-черкесских надгробных памятников характерен небольшой могильный холм, оформленный у изголовья каменным монументом высотой с человеческий рост. Представители простого крестьянского сословия зачастую довольствовались их деревянным аналогом. Типичные формы надгробий – арочные (заваленные) и антропоморфные – известны, по меньшей мере, с XVIII в. Первые связывались с женскими погребениями, вторые – с мужскими [Кузнецова 1982]. Явно антропоморфные формы мужских надгробий в некоторых случаях приобретают отчетливо выраженное сходство с холодным оружием – мечом или кинжалом, как на *Фото 9*.

Однако в течение последних ста лет выбор формы памятника постепенно становится все более произвольным. Женские памятники определяются их орнаментацией яркими элементами женской одежды. Чаще всего это изображения серебряного нагрудника, эскиза традиционного женского костюма.

Фото 10. Женское надгробие на кладбище с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Фото 11. Мужское надгробие на кладбище с. Урух КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Кроме этого женское надгробие может быть маркировано предметами главной женской сферы деятельности, связанной с шитьем и вышиванием: ножницами, катушкой ниток с иголкой. Изображения на надгробиях изменяются очень медленно в зависимости от новых бытовых занятий или гендерных атрибутов. Так, с конца XIX века на памятниках появляются национальная гармошка и даже швейная машинка. В середине XX в. встречаются единичные изображения зонтика, книги, вазочки с цветами.

Мужское надгробие обозначается по аналогии – изображением газырей или мужской черкески, а также холодным оружием.

В XIX в. набор «мужских» атрибутов дополняется огнестрельным оружием, эскизом карманных часов на цепочке, даже – кошелек. Мужской образ ассоциируется в традиционной культуре с папачой – непременным аксессуаром мужского костюма [Текуева 2006]. Среди изображений на памятнике папача встречалась нам однажды. Но во время экспедиции в кабардинские села Коголкино и Хатуей Лескенского района КБР мы видели надгробия, вырезанные из дерева, навершия которых повторяли форму традиционного мужского головного убора. Деревянные монументы антропоморфной формы высотой 1,5 – 1,8 м изготавливались из цельного куска ствола, квадратными в основании (0,25 X 0,25 м). Навершия в виде папачи

посажены на «шею». Гендерную маркировку усиливают соседствующие с ними женские надгробия, идентичные во всем первым, но с круглым навершием-головой (Фото № 12-13).

Фото 12. Деревянное мужское надгробие с навершием в виде папахи на кладбище с. Хатуей КБР. Фото авторов, апрель 2018 г.

Фото 13. Деревянное женское надгробие с круглым навершием-головой на кладбище с. Хатуей КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Общими элементами старых надгробий на действующих кладбищах является мусульманская атрибутика: сверху – полумесяц со звездой, внизу – коврик-намазлык, кувшин-кубган, тазик для омовений, иногда четки. Надгробие украшается по периметру декоративным орнаментом, чаще всего растительного характера или арабской вязью, но в отличие от дагестанских памятников последняя не очень густая и не заполняет всей поверхности камня. Большинство надгробий содержит лаконичные надписи на арабском, реже турецком языке. Эти надписи не всегда информативны, просто содержат кораническую фразу, скопированную, возможно, безграмотным мастером. Начиная с 20-х годов XX в. арабские надписи на кабардинских памятниках разбавляются кабардинским или русским текстом со сведениями о покойном.

Фото 14. Памятник 1-ой половины XX в. с арабской надписью и русским текстом из с. Хатуй КБР. Фото авторов. Апрель, 2018 г.

Облик шапсугских могил и надгробных памятников отличается локальными особенностями. Форма могильного холма напоминает лодку: могила обрамляется двумя рядами тесанного или речного камня высотой примерно 30-40 см., заполняется доверху землей и обозначается двумя невысокими плоскими камнями: у изголовья – плита повыше с надписью и гендерно-маркированными изображениями, в ногах – столбик пониже.

Фото 15. Шапсугское кладбище с. Калеж Лазоревского района Краснодарского края. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Фото 16. Шапсугское кладбище с. Калеж Лазоревского района Краснодарского края. Этнографическая экспедиция КБГУ. 2016 г.

Традиции шапсугского способа оформления могилы сохранились в двух черкесских селах Израиля – шапсугской Кфар-Каме и абадзехской Рихании. Эти села были образованы в результате вытеснения в ходе Кавказской войны на Ближний Восток коренного населения Прикубанья и Северного Причерноморья. Старые могилы на их сельских кладбищах разрушаются от времени, и специально не восстанавливаются. Местные жители ссылаются на неписанный закон предков: «хэкӀуэдэжын хуещ» («когда-нибудь могилы должны сравняться с землей»). Все могилы, даже современные, выглядят единообразно, и большинство из них не отмечено эпитафическими надписями и орнаментикой. Кладбища посещаются для коллективных молений за усопших, но только мужчинами в праздники. Таким образом, у зарубежных адыгов сохранилась традиция почитания родовых кладбищ без утрирования персонального места погребения.

Фото 17. Старое кладбище в абадзехском селении Рихания, Израиль. Фото авторов. Февраль, 2018 г.

Отношение к надгробию как временной метке на могиле, которая должна исчезнуть под воздействием времени и природы, как видно из сказанного выше, проявляется у российских адыгов: упавшие надгробия не восстанавливаются, уход за родными могилами становится правилом лишь в последние 25 – 30 лет. Становится возможным оформление памятника фотографией умершего. Тогда же кладбища «открылись» для посещений женщинами.

Почитание сельских захоронений у российских адыгов до недавнего времени выражалось в обязательном возвращении покойного в родовое село, где бы не наступила его смерть. В последние два-три десятилетия эта традиция угасает, в силу того, что в городах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи живет уже второе – третье поколение выходцев из сел. Но часто именно кладбище становится главным выражением связей с родовым гнездом, абстрактным местом памяти.

Таким образом, в статье представлен краткий обзор исторической смены представлений адыгов / черкесов об оформлении места погребения и обозначении места памяти. Эти перемены, незаметные в повседневном существовании этнического сообщества, заняли несколько тысячелетий, но видны только в исторической ретроспективе. Материальные элементы погребального обряда видоизменились от монументальных сооружений (дольменов, курганов, мавзолеев) до лаконичных каменных (деревянных) антропоморфных и арочных изваяний. С XVIII в. на них вырезают эпиграфические надписи на арабском алфавите, а с распространением грамотности в 20-х гг. XX в. – арабский стих их Корана становится номинальным оформлением и вытесняется на периферию памятника русской надписью с именем и годами жизни покойного. Памятные надгробия сложно вписать в принятую классификацию по форме его верхней части, т.к. его выбор стал произвольным в соответствии с религиозными и эстетическими предпочтениями заказчика.

Несмотря на современную текстовую персонализацию памятника, традиция его оформления гендерной атрибутикой сохраняется вплоть до конца XX в. Внешний – материальный – знак на могиле приобретает более интимный характер, в то время, как кладбище остается социальным знаком родственных и общинных связей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Алексеева 1960 – *Алексеева Е.П.* О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное изд-во, 1960. – 70 с.

Антология... 1958 – *Антология аварской поэзии* / сост. М.Магомедов. – Махачкала: Дагест. кн. изд-во, 1958. (на авар.яз.).

Ахриев 1870 – *Ахриев Ч.* Похороны и поминки у горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1870. – С. 28-32.

Багратиони 1971 – *Багратиони Д.* История Грузии // Сайт «Восточная Литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Bagratiioni/frameset1.htm> (дата обращения: 16.08.2018)

Белл 1974 – *Белл Дж.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (АБКН) / Сост., ред. пер., введ. и вступ. статьи к текстам В.К. Гарданова. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 458-530.

Березницкий 2005 – *Березницкий С.В.* Вера и ритуалы коренных народов юга Дальнего Востока: этнокультурные компоненты и современное состояние. Дисс. на соис. уч. ст. доктора ист. наук. – Владивосток, 2005. – 460 с.

Бларамберг 1974 – *Бларамберг И.Ф.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 353-434.

Броневский 1823 – *Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические сведения о Кавказе: в 2-х ч. Ч. 2. – М.: Тип. С. Селивановского, 1823. – 485 с.

Гугова и др. 2017 – *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Погребение и его место в адыгской традиционной культуре // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 6. – С. 9-13.

Гюльденштедт 1974 – *Гюльденштедт И.-А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 203-208.

Далгат 1892 – *Далгат Б.К.* 12-ть цудахарских песен // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1892. Вып. XIV. Отдел Второй. – С. 9-72.

Дюмезиль 1990 – *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. – М.: Наука, 1990. – 231 с.

Жамбалтанова 2005 – *Жамбалтанова Е.Д.* Погребальные обряды населения Забайкалья в эпоху неолита – раннего бронзового века. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 28 с.

Интерриано 1974 – *Интерриано Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 43-52.

Кабардинский... 1936 – *Кабардинский* фольклор / Под ред. Г.И. Бройдо. – М.: Академия, 1936. – 650 с.

Кемпфер 1974 – *Кемпфер Э.* Новейшие государства Казань, Астрахань, Грузия и многие другие, царю, султану и шаху платившие дань и подвластные... // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 113-118.

Клапрот 1974 – *Клапрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 235-280.

Кох 1974 – *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 585-628.

Крупнов 1957 – *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 176 с.

Кузнецова 1982 – *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.

Ламберти 1877 – *Ламберти А.* Описание Колхиды или Мингрелии // Сайт «Восточная Литература». URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Lamberti/text.htm> (дата обращения: 16.08.2018).

Левашева 1953 – *Левашева В.П.* Белореченские курганы // Труды Государственного исторического музея. Археологический сборник / Под ред. проф. А.А. Брюсова. – Вып. XXII. – М.: Гос. Исторический музей, 1953. – С. 165-213.

Лонгвордт 1974 – *Лонгвордт Дж.* Год среди черкесов // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 531-584.

Лукка 1974 – *Лукка Дж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люкка, монаха Доминиканского ордена. 1625 // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 68-72.

Марзей 2004 – *Марзей А.С.* Черкесское наездничество – «Зеклуэ» (Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX в.). – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 300 с.

Мариньи 1974 – *Мариньи Т.* Путешествия в Черкесию // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 291-321.

Мизиев 1970 – *Мизиев И.М.* Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая (XIII-XVIII вв.). – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 88 с.

Монгуш 2005 – *Монгуш Ч.В.* Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX-XX вв. Дисс. канд. ист. наук. – Абакан, 2005. – 202 с.

- Монпере 1974 – *Монпере Ф.* Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Колхидию, Грузию, Армению и в Крым // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 435-457.
- Нагоев 1987 – *Нагоев А.Х.* Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. – Нальчик: Эльбрус, 1987. Т. 3. – С. 170-241.
- Народные песни... 1990 – *Народные песни* и инструментальные наигрыши адыгов / Под ред. Е.В. Гиппиуса. – М.: Советский композитор, 1990. Т. 3. Ч. 2. – 488 с.
- Олеарий 1974 – *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 82-85.
- Текуева 2006 – *Текуева М.А.* Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 2. – С. 21-24.
- Ферран 1974 – *Ферран.* Путешествие из Крыма в Черкесию, через земли ногайских татар в 1709 г. // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 109-112.
- Хан-Гирей 1992 – *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 345 с.
- Шильтбергер 1974 – *Шильтбергер И.* Путешествия Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии, Африке с 1394 г. по 1427 г. // АБКИЕА. – Нальчик: Эльбрус, 1974. – С. 37-40.
- Шортанов 1992 – *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. – Нальчик: Эльбрус, 1992. – 162 с.

REFERENCES

- AKHRIEV Ch. *Pokhorony i pominki u gortsev* [Funerals and commemorations of the mountaineers]. IN: *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of reports on the Caucasian mountaineers]. Iss. III. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1870. – P. 28-32. (In Russian)
- ALEKSEEVA E.P. *O chem rasskazyvayut arkheologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkessii* [What the archaeological sites of Karachay-Cherkessia tells]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izd-vo, 1960. – 70 p. (In Russian)
- Antologiya avarskoi poezii* [Anthology of Avar Poetry] / Ed. by M.Magomedov. – Makhachkala: Dagest. kn. izd-vo, 1958. (In Avar).
- BAGRATIONI D. *Istoriya Gruzii* [History of Georgia]. IN: «Vostochnaya Literatura» website. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Bagrationsi/frames1.htm> (date of access: 16.08.2018). (In Russian)
- BELL Dzh. *Dnevnik prebyvaniya v Cherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg.* [Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839]. IN: *Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII-XIX vv. (ABKIEA)* [Adyghes, Balkars and Karachays in the reports of European authors of the 13th – 19th centuries (ABKPEA)] / Ed. by V.K. Gardanov. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 458-530. (In Russian)
- BEREZNITSKII S.V. *Verovaniya i rituality korennykh narodov yuga Dal'nego Vostoka: etnokul'turnye komponenty i sovremennoe sostoyanie. Diss. na sois. uch. st. doktora ist. nauk* [Beliefs and rituals of the indigenous peoples of the south of the Far East: ethnocultural components and the current state. Abstract of the thesis for a Doctor of historical sciences degree]. – Vladivostok, 2005. – 460 p. (In Russian)
- BLARAMBERG I.F. *Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza* [Historical, topographical, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 353-434. (In Russian)
- BRONEVSKII S.M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie svedeniya o Kavkaze: v 2-kh ch. Ch. 2* [The latest geographical and historical information about the Caucasus: in 2 parts. Part 2]. – М.: Tip. S. Selivanovskogo, 1823. – 485 p. (In Russian)
- DALGAT B.K. *12-t' tsudakharskikh pesen* [Twelve tsudahar songs]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. – Tiflis: Tipografiya kantselyarii Glavnnonachal'stvuyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze, 1892. Iss. XIV. Second part. – P. 9-72. (In Russian)

- DYUMEZIL' Zh. *Skify i narty* [Scythians and narts]. – M.: Nauka, 1990. – 231 p. (In Russian)
- FERRAN. *Puteshestvie iz Kryma v Cherkesiyu, cherez zemli nogaiskikh tatar v 1709 g.* [Travelling from the Crimea to Circassia, through the lands of the Nogai Tatars in 1709]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 109-112. (In Russian)
- GUGOVA M.Kh., NAL'CHIKOVA E.A., TEKUEVA M.A. *Pogrebenie i ego mesto v adygskoj traditsionnoi kul'ture* [Burial and its place in the Adygs traditional culture]. IN: *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki.* – 2017. – No. 6. – P. 9-13. (In Russian)
- GYUL'DENSHTEDT I.-A. *Geograficheskoe i statisticheskoe opisanie Gruzii i Kavkaza* [Geographical and statistical description of Georgia and the Caucasus]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 203-208. (In Russian)
- INTERIANO D. *Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami* [Every day life and country zikhs, called Circassians]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 43-52. (In Russian)
- Kabardinskii fol'klor* [Kabardian folklore] / Ed. by G.I. Broido. – M.: Akademiya, 1936. – 650 p. (In Russian)
- KEMPFER E. *Noveishie gosudarstva Kazan', Astrakhan', Gruzija i mnogie drugie, tsaryu, sultanu i shakhu plativshie dan' i podvlastnye...* [Newest states Kazan, Astrakhan, Georgia and many others, who pay tribute and are subservient to the tsar, the sultan and the shah ...]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 113-118. (In Russian)
- KHAN-GIREI. *Zapiski o Cherkesii* [Notes on Circassia]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 345 p. (In Russian)
- KLAPROT G.-Yu. *Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinyatoe v 1807-1808 gg.* [Journey to the Caucasus and Georgia in 1807-1808]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 235-280. (In Russian)
- KOKH K. *Puteshestvie po Rossii i v Kavkazskie zemli* [Travel through Russia and the Caucasus lands]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 585-628. (In Russian)
- KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya i kul'tura Kabardy* [Ancient history and culture of Kabarda]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1957. – 176 p. (In Russian)
- KUZNETSOVA A.Ya. *Narodnoe iskusstvo karachaevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachai and Balkars]. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 176 p. (In Russian)
- LAMBERTI A. *Opisanie Kolkhidy ili Mingrelii* [Description of Colchis or Mingrelia]. IN: «Vostochnaya Literatura» website. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XVII/1640-1660/Lamberti/text.htm> (date of access: 16.08.2018). (In Russian)
- LEVASHEVA V.P. *Belorechenskie kurgany* [Belorechensk mounds]. IN: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya. Arkheologicheskii sbornik* [Proceedings of the State Historical Museum. Archaeological collection] / Ed. by prof. A.A. Bryusova. – Iss. XXII. – M.: Gos. Istoricheskii muzei, 1953. – P. 165-213. (In Russian)
- LONGVORDT Dzh. *God sredi cherkesov* [A Year among the Circassians]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 531-584. (In Russian)
- LUKKA Dzh. *Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mingrelov i gruzin Zhana de Lyukka, monakha Dominikanskogo ordena. 1625* [Description of the Perekop and Nogai Tatars, Circassians, Mingrels and Georgians of Jean de Lucca, a monk of the Dominican Order. 1625]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 68-72. (In Russian)
- MARIN'I T. *Puteshestviya v Cherkesiyu* [Travels to Circassia]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 291-321. (In Russian)
- MARZEI A.S. *Cherkesskoe naezdnichestvo – «Zekue» (Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII – pervoi polovine XIX v.)* [Circassian horsemanship – "Zekue" (From the history of the military life of Circassians in the 13th – first half of the 19th century)]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 300 p. (In Russian)

MIZIEV I.M. *Srednevekovye bashni i sklepy Balkarii i Karachaya (XIII-XVIII vv.)* [Medieval towers and crypts of Balkaria and Karachai (13th-18th centuries)]. – Nal'chik: El'brus, 1970. – 88 p. (In Russian)

MONGUSH Ch.V. *Obryady kak otrazhenie traditsionnykh verovaniy tuvintsev i khakasov v XIX-XX vv. Diss. kand. ist. nauk* [Rites as a reflection of the traditional beliefs of Tuvinians and Khakas in the 19th – 20th centuries. The dissertation for the Candidate of historical sciences degree]. – Abakan, 2005. – 202 p. (In Russian)

MONPERE F. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhaztsam, v Kolkhidiyu, Gruziiyu, Armeniyu i v Krym* [Journey through the Caucasus, to the Circassians and Abkhazians, to Colchia, Georgia, Armenia and the Crimea]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 435-457. (In Russian)

NAGOEV A.Kh. *Itogi raskopok kabardinskikh kurganov na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1977 gg.* [The results of the excavations of the Kabardian mounds on the new buildings of Kabardino-Balkaria in 1972-1977]. IN: *Arkheologicheskie issledovaniya na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972-1979 gg.* [Archaeological research on new construction sites of Kabardino-Balkaria in 1972-1979]. – Nal'chik: El'brus, 1987. Vol. 3. – P. 170-241. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental melodies of the Adyghe] / Ed. by E.V. Gippiusa. – M.: Sovetskii kompozitor, 1990. Vol. 3. Part 2. – 488 p. (In Russian)

OLEARII A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of travelling to the Muscovy and through Muscovy to Persia and back]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 82-85. (In Russian)

SHIL'TBERGER I. *Puteshestviya Ioganna Shil'tbergera po Evrope, Azii, Afrike s 1394 g. po 1427 g.* [Johann Schiltberger's travels around Europe, Asia, Africa from 1394 to 1427]. IN: *ABKIEA* [ABKPEA]. – Nal'chik: El'brus, 1974. – P. 37-40. (In Russian)

SHORTANOV A.T. *Adygskie kul'ty* [Adyghe cults]. – Nal'chik: El'brus, 1992. – 162 p. (In Russian)

TEKUEVA M.A. *Ritualy muzhskikh initsiatsii v traditsionnoi kul'ture adygov* [Male initiation rituals in the traditional culture of the Adyghe]. IN: *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. – 2006. – No. 2. – P. 21-24. (In Russian)

ZHAMBALTANOVA E.D. *Pogrebal'nye obryady naseleniya Zabaikal'ya v epokhu neolita – rannego bronzovogo veka. Avtoreferat na soisk. uch. st. kand. ist. nauk* [The funeral rites of the Transbaikalia populace in the Neolithic – early Bronze Age. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Ulan-Ude, 2005. – 28 p. (In Russian)